
Сухнев В.Ю.*
Русские качели. Рецензия на книгу В.А. Никонова
«Российская матрица»

Журнал «Стратегия России». 2014. № 6

Трагические события на Украине в очередной раз показали, насколько факторы, еще вчера не представлявшие угрозы целостности и спокойствию мира во всех его привычных проявлениях и представлениях, вдруг неожиданным образом складываются, перемножаются и сметают государственные институты. Здесь не важны термины — революция, антиконституционный переворот или захват власти, инспирированный извне. Важен результат: разрушение всех скреп государственности и противостояние в обществе, чреватое гражданской войной.

Легкость, с которой свержена законная власть, выход на передний план еще вчера маргинальных националистических сил, непримиримость позиций по будущему Украины вызывают много вопросов. Остановлюсь на одном: не доказывает ли эта видимая легкость разрушения государственных структур, легкость вторжения во власть националистической составляющей, что на Украине на протяжении последних двадцати лет и не существовало государства в его привычном, классическом понимании? Думаю, пример Украины показывает, что мало объявить какую-то территорию независимым государством, выбрать президента и назначить министров. Наверное, недостаточно государственной атрибутики в виде флага, герба, гимна и национальной валюты. И даже траншея четырехметровой глубины, срочно выкопанная по границам, не удерживает центробежные силы, которые как землетрясение разламывают материк государства. Или все же квазигосударства? Вот вопрос...

А ведь в 1991–1993 годах Россия оказалась перед такой же катастрофой — противостояние общественных сил, уничтожение старой государственной машины, призрак гражданской войны и

---

* Сухнев Вячеслав Юрьевич — ведущий редактор журнала «Стратегия России», член Союза писателей России.

угроза развала по национальным и региональным «огородам»... После выхода из СССР национальных республик многие аналитики предрекали для России такое же движение национальных образований. Сепаратистские настроения действительно проявились. Причем в самом радикальном измерении. Но красный Тамбов не пошел на белый Воронеж, а во Владивостоке и Екатеринбурге не стали проводить референдумы о суверенитете. Более того, наша страна сумела освободиться от удушающих объятий разнообразных «друзей российской демократии», которые теперь правят бал в Киеве, вышла из-под внешнего управления и возродилась как мощная держава, определяющая сегодня ход глобального развития.

Россия сумела устоять и в последние годы мирового финансового кризиса, накапливая силы, укрепляя общественное согласие, демонстрируя поступательный рост во всех производственных и социальных сферах. Этим не могут, к сожалению, похвастаться не только некоторые постсоветские государства, но и многие бывшие «братья по лагерю», перекочевавшие из витрины социализма на задворки европейской интеграции. Мощное и массовое народное движение Крыма в сторону России было обусловлено не в последнюю очередь тем, что люди постоянно сравнивали устойчивость державных конструкций Украины и России. И такое сравнение было, понятно, не в пользу Украины. Особенно сегодня, когда целые области ее заявляют о выходе из государства, стреляющего по своим гражданам.

Следовательно, в государственной машине России есть своеобразные защитные механизмы, препятствующие разрушительной силе хаоса и не дающие пойти вразнос. Эти механизмы — многовековые традиции государственного строительства, которые и подпитывают исторический организм страны, сохраняют матрицу ее существования.

***

Капитальный труд Вячеслава Никонова почти в тысячу страниц так и называется — «Российская матрица».

Сначала о самом понятии матрицы. Во многих словарях матрицей называется отливная форма в металлургии и полиграфии. В свете такого понятия ясен метафорический смысл названия:

государственная матрица — это форма для литья, продуцирования новых, но неизбежно одинаковых копий.

Но почему именно — копий? Разве петровская Россия походила на Советский Союз?

Вячеслав Никонов дает развернутое объяснение феномену государственной матрицы и устойчивости копирования: «Вопреки расхожим стереотипам, исторически Россия – крепкое, жизнеспособное и стабильное государство. Одно из двух-трёх на планете, которые могут похвастаться пятью веками непрерывного суверенного существования». За свою тысячелетнюю историю Россия терпела подлинные Крушения. Это внешние завоевания XIII века, Смута начала XVII века, переворот 1917 года и развал СССР в 1991 году. «После каждого из этих Крушений, — пишет В. Никонов, — Россия возрождалась, начинала заново. Каждый раз это была другая Россия. Но только немного другая. Потому что люди оставались теми же, и они воспроизводили во многом прежние ментальные культурные стереотипы». Далее автор ссылается на Василия Ключевского, который отмечал удивительную повторяемость российской истории. Своеобразные качели – от взлета к падению и снова на взлет. Но эти волнообразные потрясения не разрушали государственную матрицу, генетический код российского общества, замечает Никонов, оставался неизменным.

Обращу внимание на то, что существенная разница во внешней атрибутике, в идеологических стереотипах старой России и СССР, действительно, не влияла на преемственность государственных институтов, на саму структуру власти. Когда губернское территориальное деление страны заменилось областным и республиканским, то функции прежних губернаторов в тех же объемах исполняли секретари соответствующих партийных комитетов. И генеральный секретарь ЦК КПСС обладал царскими полномочиями. Он избирался товарищами по партии на принципах «демократического централизма», но уходил с поста только «ногами вперед» или, как Хрущев, — в результате «дворцового переворота», то есть в самых что ни на есть российских традициях. А неистребимые, воспитанные в поколениях россиян привычка к патернализму, вера в «доброе царя», истовое уважение к воинскому долгу, коллективизм — это все оттуда же, из российской матрицы.

Вячеслав Никонов приводит слова А. Тойнби, писавшего о власти в России: «Запад готов был верить, что большевики действительно делают то, что говорят. Мы верили и боялись. Однако, поразмыслив, начинаешь понимать, что не так-то просто отречься от собственного наследия. Когда мы пытаемся отбросить прошлое, оно — Гораций знал, что говорил, — исподволь возвращается к нам в чуть завуалированной форме».

***

Прочность российской матрицы Никонов исследует на огромном материале. В книге три части — «Россия», «Советский Союз», «Российская Федерация», разделенные на двадцать глав, названия которых говорят сами за себя. «Географическая и историческая среда», «Империя и нация», «Государство и вера», «Россия и западная система», «Советский милитаризм»... Однако книга лишена того привычно жесткого построения учебника истории, когда сама история рассматривается «по периодам». Никонов рассматривает ее по частям матрицы — например, к петровским реформам он неоднократно возвращается в разных главах, где исследуются совершенно самостоятельные феномены общественного бытия или государственного строительства: «Государство, общество и элиты», «Война и мы», «Собственность и капитализм». Такая форма обращения к исходному материалу позволяет подняться над фактами — как широко известными, так и почти неизвестными широкому читателю, увидеть взаимосвязанность событий, продолжительность их воздействия на ход отечественной истории в пространстве и времени.

В этом смысле можно остановиться на чрезвычайно интересной и поучительной истории взаимоотношений Советской России и Германии в самом начале 1920-х годов, как ее показывает Вячеслав Никонов.

Многие не искушенные в политике наши соотечественники искренне не понимали и не понимают до сих пор, как могло советское правительство пойти на сотрудничество с германской военщиной. Разве советские лидеры не предвидели, что протягивают руку будущему врагу?

Никонов рассматривает возобновление отношений с западными странами после захвата власти в России большевиками. Выход из изоляции красной России стал возможен с началом формальных отношений с Великобританией. Премьер Ллойд Джордж собирался «приручить большевиков посредством торговли». В 1921 году торговые соглашения были заключены также с Италией и Австрией. Даже с прибалтийскими лимитрофами и Польшей начали налаживаться отношения. Однако главным неформальным партнером России с самого начала 1920-х годов стала Германия. Обе страны в начале 1920-х оказались во внешнеполитической изоляции. Советская Россия потому, что ее руководители носились с идеей «мировой революции», а Германия — как страна, побежденная в Первой мировой. Издержки изоляции два изгоя мировой политики решили делить поровну.

Уже в начале 1921 года в военном министерстве Германии был создан отдел для осуществления военного и военно-технического сотрудничества с Красной Армией. Германское руководство считало Ленина, Троцкого и Сталина самыми заинтересованными партнерами в этом сотрудничестве. И не ошиблись. Советские вожди не без оснований считали, что с немецкой помощью они смогут создать в России совершенный военно-промышленный комплекс и повысить квалификацию командного состава Красной Армии.

Вячеслав Никонов подробно рассказывает, как сотрудничали вчерашние враги, еще недавно разведенные окопами Первой мировой. В Смоленске, например, были открыты немецкие командные курсы, и вскоре этот русский город — за десять лет до событий Великой Отечественной! — был полон немецкими летчиками. В 1921 году Советская Россия подписала с Германией торговый договор и решила поучаствовать в восстановлении немецкой военной промышленности, запрещенной Версальским миром.

В апреле 1922 года был заключен Рапальский договор между Германией и Россией, по которому стороны отказались от обоюдных претензий, возникших из состояния войны. Так начался многолетний альянс «сердитой Германии и голодной России». Никонов замечает: «Ради отношений с Германией Ленин, по существу, жертвовал взаимодействиями с западными странами». Уже в 1922 году на Германию приходилась треть советского импорта. «Крупп» начал

производство артиллерийских орудий и снарядов, а «Юнкерс» разместил у нас 3/5 всех производственных мощностей.

***

Останавливаюсь на истории отношений Германии и России в самом начале 1920-х, показанной в книге Вячеслава Никонова, с тем, чтобы подчеркнуть, каким плотным, содержательным, выверенным является материал его исследования. Буквально в несколько страниц уложен огромный объем информации о развитии отношений двух стран в начальный советский период, дан ее глубокий научный анализ. Это и есть «фирменный стиль» Никонова, который отличает не только «Российскую матрицу», но и все его работы. Цифры, факты, цитаты, ссылки — без излишней полемики с другими авторами, чем, надо заметить, нередко грешат другие научные и тем более околонучные издания. Когда не хватает фактов и выводов, выручает многословная полемика. Никонову нет времени полемизировать, потому что он занят исключительно исследованием гигантского массива информации. Вообще, такой нацеленный подход позволяет интерпретировать (а историк, по сути, иным и не занимается) события в их взаимосвязи таким образом, что у непредубежденного читателя не остается сомнений в точности выводов исследователя. Однако Никонов меньше всего занят интерпретацией. Его задача — свести воедино множество разрозненных фактов, мнений и документальных свидетельств таким образом, чтобы читатель сам подошел к осмыслению изложенной информации, сам сделал выводы, которые автор лишь суммирует.

Подобная позиция сразу отменяет подозрения в ангажированности или, как недавно говорили, в «низкопоклонстве» перед господствующим общественным мнением и догмами научных школ. По большому счету, Вячеслав Никонов — сам себе школа и научное направление, как это ни обязывающе звучит. В предыдущей работе «Крушение России. 1917» он уже предпринял совершенно самостоятельное осмысление истории Февральской революции и Октября, осмысление, которое резко расходится не только с выводами историков старой советской школы, но и некоторых современных исследователей с весомым научным авторитетом.

Казалось бы, что еще можно добавить к существующему портрету Сталина? О нем создана огромная литература — как

российскими, так и зарубежными авторами, начиная с Луи Арагона и кончая Ги де Ротшильдом. Главным содержанием такой литературы выступает самовластие Сталина, переросшее в тиранию. Большинство авторов считает «красного тирана» порождением русской традиции самодержавности, пресловутого холопского менталитета россиян. Никонов в «Российской матрице» и тут разрушает стереотипы:

«Вряд ли дело в одном лишь Сталине. Ужесточение государственных режимов было явлением не только советским, но и почти повсеместным. Межвоенный период был ознаменован нараставшим сужением сферы распространения демократии в Европе. Сокрушительный удар по ней нанесла Великая депрессия 1929–1933 годов, лишившая людей сбережений и дискредитировавшая постулаты свободного капиталистического рынка. Если в 1920 году на всем континенте западнее Советской России существовали конституционные и избираемые представительные органы, то к началу Второй мировой войны они были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских государств, а еще в пяти они прекратили полномочия, когда война началась».

Действительно, интересный ракурс: ужесточение внутреннего режима как реакция на внешние факторы. Полагаю, Вячеслав Никонов вовсе не стремится «обелить» Сталина. Он вообще не опускается до «судебного разбирательства», хотя сегодня, по прошествии множества лет, после открытия ранее недоступных архивов, есть искус разобраться с далеким и не очень далеким прошлым на основе новых знаний. Такая позиция требует, конечно же, личностного подхода, собственного мнения. Но кому как не историку знать, насколько субъективно любое личное мнение... Поэтому Никонов практически не дает качественных оценок государственным деятелям — Петру, Екатерине, Николаю II, Ленину, Сталину... Он тщательно и подробно разбирается с результатами их деяний. Как говорится, «только и всего».

***

Как читателя меня больше всего занимало: какими словами расскажет автор исследования о становлении современной России. Ведь вода времени еще не устоялась, много чего до сих пор плывет по течению. Опять же много соблазнов надавать качественных оценок.

Однако и тут Вячеслав Никонов верен своему принципу — беспристрастному изложению фактов, версий, мнений.

Главу «Становление Российской Федерации» без политкорректных реверансов Никонов дробит на три подглавки: «Ельцинизм», «Путинизм», «Четырехлетие Медведева». Поначалу насторожили столь обязывающие, или лучше сказать, вызывающие формулировки. Ведь мы привыкли, что терминами «ленинизм» или «сталинизм» обозначаются огромные главы отечественной истории, по сути, целые эпохи. Однако, поразмыслив, начинаешь понимать правоту определений Никонова: «ельцинизм», так же как и «путинизм» — тоже обозначение отдельных и очень важных этапов в жизни новой России. Может быть, пока это непривычно сознавать, недаром ведь сказал поэт, что большое видится на расстоянии. Тем не менее, это так — эпоха Ельцина сказалась на всем ходе российской истории, как и эпоха Путина. Говоря в русле нашей темы, на протяжении первой эпохи предпринимались попытки сломать российскую государственную матрицу, во вторую эпоху — укрепить ее.

«Ельцин удержал страну на краю пропасти в августе 1991 года, когда власть была захвачена людьми, воображение которых не поднималось выше танков на улице. Он воссоздал государственный механизм, разрушенный вместе с Советским Союзом, запустил демократические механизмы. Ельцин спас экономику, когда пустил в нее силы рынка. И не допустил худшего — «югославского сценария», который был неизбежен, цепляйся глава государства за остатки имперского величия. Но Ельцин — и разрушитель России тоже. Он внес немалый вклад в развал СССР, который был формой существования именно России. При его президентстве государство потеряет половину экономики, военной мощи и окажется наиболее слабым относительно других стран, чем когда-либо за 500 лет».

Эта цитата дает представление о способности Никонова в одном абзаце дать развернутую характеристику целой общественной эпохи. Заметим, ни одного слова о специфических личностных качествах Бориса Ельцина. Хотя, может быть, и они определенным образом сказывались на характере его правления... Но Никонов, повторю, не опускается до оценок самой личности — его интересуют только деяния.

У Путина, говорит Никонов, не было опыта длительного пребывания во власти, что стало для него плюсом. Он не вызывал негативных ассоциаций, грамотно говорил понятные вещи. «В условиях бедной жизни, разгула преступности и терроризма люди ждали лидера, который и наведет порядок, и защитит». Однако, пишет Вячеслав Никонов, после победы на выборах 2000 года Путин «оказался в положении наследника, который по вскрытии завещания обнаруживает, что унаследовал миллион долгов». Поэтому в первый период своего правления Путин решал только вопросы выживания России. «Главной предпосылкой реализации социально-экономической политики стало восстановление субъектности государства, управляемости страной». Никонов рассматривает итоги административной реформы и замечает, что она оказалась самой широкомасштабной едва ли не за сто лет со времен первого российского премьера Сергея Витте.

Вячеслав Никонов подробно рассматривает многие аспекты: усиление государственного контроля за стратегическими отраслями, налоговая и банковская реформы, укрепление армии и правоохранительных органов. Не оставляет вниманием партийное строительство, поиск российской идентичности, развитие социальной сферы, становление гражданского общества. Отдает должное усилиям Путина на международной арене.

Вот вывод: «В годы двух сроков президентства Путина Россия встала на восходящую траекторию развития. «План Путина» исходил из того, чтобы за 15–20 лет стать пятой экономикой в мире, и это выглядело совершенно реально». Сейчас уже можно сказать, что Россия подошла к этой цели.

Интересно замечание Никонова о противостоянии Путина и олигархов: «Существовало ощущение, что после провалов молодых реформаторов, политически проигравших именно олигархам, желающих наступать на интересы могущественных корпоративных групп не найдется. Нашел Путин. С самого начала президент направил крупнейшему бизнесу несколько однозначных «посланий». Первое: платите налоги и проявляйте социальную ответственность. Второе: федеральная политика — дело Кремля. Третье: среди олигархов святых нет. Все они были так или иначе «назначены» властью, причем часто с нарушениями. А потому могут быть и уволены, если проигнорируют первое и второе послание».

Судьба проигнорировавших «послания» сегодня известна...

***

Меняется ли российская матрица с ходом времени? Меняется, считает Никонов, нельзя быть рабом традиций. Но от этого она не перестает оставаться матрицей. Вот в чем дело!

«Россия, имевшая традицию автократии, — пишет в конце книги Вячеслав Никонов, — за два десятилетия добилась немало в деле создания демократического общества... При этом демократия — это не когда у власти находятся люди, называющие себя демократами (часто по недоразумению), а когда обеспечиваются правление закона и ответственность власти перед теми, кто ее избирает. Но Россия вовсе не намерена соглашаться на роль нерадивого ученика, которого мудрый и справедливый учитель отчитывает за невыученные уроки. Мы не ученики, а мудрость учителей демократии под большим вопросом...».

***

Странно и смешно было читать в комментариях в Сети: «Никонов пытается построить модель истории России...». Ничего себе «попытка» – на тысяче страниц! К тому же комментатор явно не видел самого труда, где только в списке использованной литературы 2 673 (!) названия.

Книга о прошлом вдруг оборачивается книгой о нас, сегодняшних. Это книга о русских качелях, о русской судьбе.

Никонов В.А. «Российская матрица». М., Русское слово, 2014. 992 с.